

АЛЕКСАНДРА
САШНЕВА

"ГОГ" ЕДЪТ
В АШКЕЛОН

Александра Сашнева

"Бог" едет в Ашкелон

<https://litres.ru/73941604>

SelfPub; 2026

Аннотация

Это книга-путешествие. Путешествие реальное и мутешествие в мире метафор. В ней рассказ автора о личном переживании системных расстановок на международном конгрессе в октябре 2025 года на Мертвом море, о тренинге по голосу и движению, художественно-сакральное переживание пространства-времени в городе, которому 5000 лет, а также переосмысление опыта консультаций. Раскрыты смыслы отношений метафорического мира, действий и управления подсознанием. В общем, это глубокое погружение как в пространство-время, так и в собственное подсознание. Внимательное и тщательное погружение в практики расстановок. Повествование не буквальное, но основано на реальных событиях. Имена в книге изменены. Огромная благодарность за участие в моей жизни и за волшебное путешествие всем, с кем я познакомилась в Ашкелоне.

Содержание

Вначале было слово	4
Йом ришон	8
Движение и характер	11
Как я попала к даосам	12
Школа дао	14
Ухо живота	17
Яэль	20
Алеф	23
Роды. Крылатый	26
Мира	32
Кресло	40
Внуково – Баку	41
Рождение	45
Хайвей и Хеллингер	48
Жизнь и жизни	53
Маим – воды	57
День начинается вечером	63
Пляж. Бахи	66
Конец ознакомительного фрагмента.	75

Александра Сашнева "Бог" едет в Ашкелон

Вначале было слово

«Вначале было слово». И слово было «Приглашение». И вот самолет сел в Тель-Авиве на Холм Весны в Яффо (Красивом городе). И после всех приключений «Экспертиза-Внуково-Баку-Яффо» я поднимаюсь из объятий кресла довольно приятного самолета компании Azal и выхожу в огромный короб аэропорта. В моей макушке образуется огромная метафизическая воронка, и через эту воронку в мой череп, в пещеру Платона, в мое тайное, начинает проливаться вино новой реальности; густое вино древних амфор. В мозгах что-то происходит, варится, я четко ощущаю это.

Но главный вопрос мне до сих пор неизвестен – зачем так получилось, что я еду в Ашкелон? Какое послание сейчас разворачивается передо мной и для меня? Я не верю в случайности. Все мои случайности всегда были созданы по правилам самого высокого сценарного мастерства. С самого детства я чувствую себя героиней долгого сериала. Я четко ощущаю границы серий.

Вначале было слово. И слово было действие. Если слово не действие, оно просто звук, шум, даже не междометье. И

всегда есть тонкая разница в нюансах. Например:

- говорить слова (кого-что?)
- говорить словами (кем-чем?)

Сейчас многие стали путать падежи... Казалось бы, одно и то же? Но нет. Говорить можно и жестами, движениями, действиями без слов. Но уж если говоришь слова, то какие они? Что они в себе несут? Есть ли смысл в том, что ты их произносишь? Например, просто перечисляешь города на букву «А».

Слово очень многое может сделать, когда становится действием, когда в нем есть направление, толчок силы. И все-таки слова порой бессильны, когда нужно выразить полноту смысла. Есть смысл в молчании, в паузах между словами. Молчание проникает в самую глубину.

Мы пытаемся высказать бессловесное, чтобы овладеть им, но овладеваем только тогда, когда производим действие. Слова без действия или без предмета, без их образов, мертвы. Например, слово иностранного языка, к которому у тебя нет образа, просто пустой звук, хотя возможно он несет эмоцию за счет звука. А эмоция – это уже действие. Звук слова – это его второй подсознательный смысл.

Сравните: жизнь-vie(фр.)-life(англ.)-хаим(ивр.)-илама(фин.). Вот, как по-разному живут русские, французы, англичане, евреи и финны. Я могу здесь много написать об эмоциональных свойствах звука, как я это даю на занятиях, но лучше вы сами вслушайтесь в эти слова и посмотрите на

ощущения, которые просыпаются в вашем теле.

- Делайте! – говорил нам наш учитель дао, показав новое движение. – Делайте, и вы поймете.

Хотя перед этим он объяснял полчаса, устройство этого движения. Любой смысл усваивается, в конце концов, через движение, даже если это движение. Станцуй теорию относительности, станцуй свою печаль, спой свою решимость...

Делая движение, порой переходишь к новым смыслам слов, но поймет ли тебя тот, кто не прошел этой трансформации действием? Перед Стеной Плача есть ручкомойники, в которых кружка с двумя ручками. Зачем? Разве нельзя просто помыть руки под струей воды? И зачем вообще мыть руки?

Можно, но тогда это будет просто «помыть руки водой». Если мыть руки из двуручной кружки, то действие обретет второй смысл: вода станет символической, трансцендентальной водой, которая омывает в этот момент психическое состояние от суеты. Кружка переключает сознание в другой режим. И вода становится мета водой, и омовение становится мета омовением, перенося внимание во внутренний мир, в мир слышания своей связи с вечным.

Что важнее – действие или рассказ о его смысле? Одни считают, что «Главное не то, что в тебя входит, а то, что выходит». Другие считают, что то, что входит, изменит тебя, даже если ты не понимаешь смысла. Вначале было слово.

Однажды мы переходили дорогу с одной дамой, которая

была постоянно за рулем, но в этот холодный день мы шли пешком. Мне было очень холодно, и я решила, что можно перейти дорогу на красный, раз на дороге нет ни одной машины. Дама с досадой попыталась меня остановить. «Почему? Ведь никого нет и стоять очень холодно!» - удивилась я. «На «красный» надо стоять, - сказала она. – Потому что если ты это не выучишь, можешь и на машине однажды так подумать – никого же нет!» Да. Действительно. Есть вещи, которые надо просто всегда делать, чтобы не сбить себе рефлекс.

Чтобы что-то осознать в полной мере что-то, мы должны освоить новое действие, поведение. Если мы читаем книгу о практиках даосов, киноварных полях и малой космической орбите, мы можем подумать, что вполне осознали, о чем идет речь. Но пока мы не переведем это понимание в действие, в практику, в ощущения, это знание так и останется иллюзией знания.

Действие проникает сразу же в подсознание. Мы не думаем, почему утром чистим зубы. Нам чего-то не хватает, пока мы это не сделаем. И это нас удерживает в реальности, ритуал дает ощущение надежности, контроля над миром. Используя метадействие, мы можем изменять реальность, обращаясь к своему внутреннему миру. Действие, осознанное через слово, приобретает силу символа.

Йом ришон

Машина – это не только средство передвижения, но и предмет магии. Когда мчишься по автобану, мысли невольно ускоряются. Особенно, когда ночь, ветер, и пространство помечено только огнями и темными силуэтами пальм. Дыхание пустыни обнимает теплом, и ты постепенно растекаешься по пространству, разрастаешься в окружающий мир, невидимыми нитями ощущений; входишь в резонанс с музыкой места. Движение по трассе может быть просто передвижением, а может нести в себе второй смысл – метапрограмму.

Когда я купила первую машину когда-то в Москве, вся жизнь сразу закрутилась быстрее, несмотря на пробки. Скорость реально освобождает мозг от разных «разве это возможно?». К тому же ты не только попутно размышляешь за рулем, ты управляешь машиной и... мыслями. Причем, не только мыслями, но и состоянием – решимостью, ощущением реальности, тестируешь ее иначе. Метамашина.

Это моя первая ночь. Пустыня, темнота, перебиваемая временами огнями городских высоток - от Тель-Авива до Ашкелона час езды на машине, если нет пробок, от Нагарии до Ашкелона сто семьдесят шесть километров или два часа на машине. От Ашкелона до сектора Газа - четырнадцать. В Израиле людей уже пости 10 000 000 – это больше, чем в

Москве, но шире, просторнее. Города рассыпаны по пустыне, древность хранит свою музыку в этих песках.

Почему-то мне вспоминается «On a dark desert highway, cool wind in my hair. Warm smell of colitas, rising up through the air». Хотя мы не в Алабаме, не в Техасе, не во Флориде... Мы мчимся в Ашкелон. И я чувствую, как восторг вырастает из напряжения скоропалительного отлета из Москвы.

Я поворачиваю голову и вижу профиль Яэль – точеный, как лик древней богини, как лицо каменного будды - в нем уверенность и внутренний покой. В нем отражается покой вечности, как в лицах даосов или святых, а точнее просвечивает через лицо человека его металицо. Говорят, что есть какая-то отдельная уверенность в себе, но мой опыт и практика говорит, что уверенность – это прежде всего контакт с потоком жизни. Готовность быть с ним честно, а значит, воспринимать его без оценок. Я не верю в такую веру в Создателя, которая делает тебя униженным и безжизненным, Создатель не стал бы создавать тебя плохим, если уж ты появился на свет, значит, он хотел тебе лучшего. Значит, ты не ты, ты Его Творение. Вначале было слово, и оно встало между тобой и Творцом, Просто молчи и слушай себя, пока не услышишь Его.

Несколько лет назад мы познакомились с Яэль в интернете на темах психологии в одном популярном сообществе и чувствовали взаимную симпатию. Даже у нас было несколько общих дел. Кто бы мог подумать, что судьба повернется

таким прекрасным боком? Улыбка говорит обо всем. Отра-
зишь улыбку другого и узнаешь про него всё. У Яэль улыбка
мага, человека, который доверяет.

Движение и характер

Люди двигаются по-разному, показывая нам свою суть в движениях. Есть люди, которые двигаются замедленно, в каждой точке как бы раздумывая – так ли нужно делать движение? Они обычно стараются контролировать всех и все, что происходит вокруг них, уверенные в своей правоте. Если они начинают рисовать, то линия их состоит из последовательности мелких черточек.

Есть другие люди – они размашисты, крупные движения, они и мыслят, пренебрегая мелочами; видят путь к конечной цели, а потом дробят его на части, и рисуют решительными длинными линиями. Они могут сносить на своем пути других, охваченные ярким видением будущего.

Микродвижения нам показывают все: решительность, привычку побеждать, привычку быть жертвой, привычку доводить дело до конца, привычку выжидать, привычку бросаться в бой...

Как я попала к даосам

В детстве я пережила массу травмирующих движения вещей:

- трахеотомию (повреждение шейного отдела и плечевого пояса, фасции и сухожилия не могли развиваться так же органично, как остальные части тела из-за грубого шрама);

- ходунки (нетерпеливого ребенка поставили в ходунки раньше, чем он укрепил свой позвоночник и ноги);

- долгие болезни зимой (малая подвижность, нарушение структуры фасций);

- ощущение неликвидности из-за плохого контакта с телом

В спокойном состоянии я приспособилась к повреждениям скелета, но стоило мне резко повернуть голову или получить какое-то сильное впечатление реальности, я теряла равновесие и падала – так реагировала шейная артерия. Мое тело было моим предателем. Просто представьте, что вас кто-то постоянно держит за шею. И тут было важно не просто знать это, но и ощутить телом схему нарушения, осознать это. У меня ушли годы - человек плохо осознает тело, если не уделяет этому внимания специально.

Вся проблема в том, что засыпая вечером, тело запоминает любую форму, к которой он приспособился днем. Если вы будете целый день сгибаться над рабочим столом, однажды

вы проснетесь и не сможете разогнуться. И не только потому, что нарушится баланс мышечных напряжений, но и потому, что ваш мозг так нарисует свой 3Д-образ.

Я всегда боялась внезапно потерять равновесие, потому что я не знала, как оно устроено. Тем более, родители в таких случаях непременно говорили мне, что я «неуклюжая корова». Я боялась, и оно, конечно, случалось. Я шла к доске или на сцену на ватных шатких ногах, не понимая, почему тело не слушается меня. Я начинала говорить и чувствовала волны спазмов во всем теле – гортани, животе, диафрагме. Это происходило помимо моей воли и контроля. Я любила петь и рассказывать, и пока я делала это часами, все постепенно выправилось, и я обрела уверенность, но не осознание, это привычка. Многие тренеры говорят, что если делать упражнения, то произойдет все само. Но проблема в том, что если без этого осознания вы возьметесь восстанавливаться после потери навыка в результате перерыва или травмы, то вас поджидает разочарование. И только осознание движения даст вам силу воскреснуть.

Знаете, почему Николсон прыгает перед тем, как войти в кадр? Когда ты прыгаешь, ты возвращаешься на землю в самое устойчивое положение, и организм успокаивается, ты чувствуешь контроль, веришь, что справишься с проблемами. Стоишь на ногах. Невозможно из прыжка приземлиться в неустойчивость.

Школа дао

Однажды я услышала внутри себя: «Иди к даосам, там ты узнаешь об устройстве тела больше, чем где бы то ни было. Ты узнаешь не только головой, но и телом. Ты начнешь уметь тело». Я шла через огромные сугробы, через метель почти по наитию – мне надо было выбрать из нескольких школ, в спортзале одной из них как раз была именно та школа, куда меня привели Небеса, и в которой я получила потом документ о моем курсе. Занятия даосизмом нельзя завершить – это путь длиною в жизнь. И этот путь стал базой для изучения многих нейро-двигательных техник.

Погружение в осознание очень освежает реальность. Всё становится более подконтрольным, адаптивным, более «серотониновым». Правильные экономные движения перестраивает структуру не только движения, но и мышления - путь к решению укорачивается, сам процесс становится более четким и ясным, главное выделяется лучше, легче принести в жертву неважное. Отсутствие суеты в мышлении – великая ценность.

Из актерского: чтобы запомнить роль, ее надо продвигаться, тогда она не будет текстом на бумаге, а будет жизнью. «Давай пройдем по ногам», - говорят актеры, начиная примерять текст сцены к пространству. Потому что ноги – это главное. Начинающих актеров я учу открывать суть эмоций.

Шаг вперед – гнев, агрессия, азарт. Шаг назад – уступка, страх, отказ. Я перенесла это в клиентскую практику, отказ жить мы меняем через движения и голос.

Знание – это действие, а действие – это движение, внутреннее или внешнее не так важно. Движение – это тот язык, который хорошо понимает подсознание. Чтобы осознать математическую формулу, ее мало понять, ее надо почувствовать. Чувство уверенности говорит нам о том, что тело осознало и впитало в себя знание, и оно стало привычкой, основой.

Поза. Поза – это тоже движение, зафиксированное в моменте. Любая поза во что-то раскрывается. В следующую позу, в намерение. Поза – это эмоция. Позой можно вылечить травму. Например, если ты всего боишься, ты уходишь в позу «меня нет» или «я нападую первым», или «только попробуй меня ударить». И ты не воспринимаешь реальность в это время из-за позы, зато реальность всегда воспринимает тебя.

Я нашла для своих актерских занятий и практик для клиентов по психологии «постепенные» упражнения. Почему постепенные? Потому что принцип «от широкого к плотному» сохраняется везде. Сначала тебе нужно широкое движение, чтобы что-то почувствовать в теле, и чтобы это сработало вовне.

Потом твое движение уменьшается по мере того, как твой мозг осваивает его, по мере того, как мозг передает это в тело. Движение становится меньше, но мощнее и в финале, вероятно, можно управлять миром с дивана, просто представ-

ля движение. Сила воли, харизма, власть (как еще это назвать?), энергетика – это сила внутреннего движения. Оно превращается в интонацию. А интонация превращается в силу спокойствия.

Ухо живота

Яэль ведет машину, как всадник хорошего коня. Движения точны и спокойны. И я это чувствую как волну дыхания в своем теле. Дыхание – это очень важно для психолога, актера. Ну, так-то для всех важно, но тут особенно. Дыханием мы передаем состояние. Можно просто дышать, и в молчании быть внутри этого дыхания. Дыхание нам скажет – да или нет. Одна хорошая психолог рассказывала о практике молчания в решении важных вопросов. Я знаю, что это: это отражение дыхания. Если ты в чем-то неуверен, надо просто подышать вместе с кем-то кто умеет быть спокойным. Тогда ты почувствуешь по своему дыханию, где ты себе подвираться. Потому что ты нарушишь ритм, и тебе сразу придет ответ от сомолчальника. Вначале было слово, и оно было выдох.

В сети ты никогда не видишь человека целиком, только его картинку. Но как-то художники умеют передать дыхание. Черты, спирали, точки, пятна, плотность знаков, цвет – это все разговор с подсознанием и бессознательным. Они всегда вместе.

Но в реале, все равно, возникает волна энергетики – облаго гормонов, дыхание – надо войти в это, тогда вы сможете комфортно отражать друг друга. Мы соглашаемся не со словами. С дыханием. Голос Яэль я услышала впервые по теле-

фону, еще в Москве. Меня сразу поразила его выверенность, кошачья аккуратность и скрытая решительность. Диафрагма Яэль давала ее голосу хорошую базу. Именно такие вещи говорят о внутренней силе. Артикуляция и опора – это контроль над реальностью.

Однажды у меня занималась одна актриса. Хотя она уже имела опыт игры у самого В., но вероятно, там не требовалось от нее каких-то глубоких интонаций, потому что она сумела сохранить девственность и наивность насчет знания о своих темных сторонах.

Я увидела, что ей не хватает навыка быть в метапозиции. Она была во власти воспитания, действовала не из осознания, а из привычки. А в ее привычке было старание и страх. Я решила, что пора бы ей «потерять девственность», познакомиться со своим темным. Когда познаешь темноту, проще быть на свету, страх оказаться темным больше не мешает выбирать свет. Что могло быть лучше, чем отрывок из «Основной инстинкт»? И я выбрала сцену, в которой героиня демонстрировала свой высокий контроль над речью и манипулированием. В общем, дело было плохо.

Актриса готовилась к занятию, дома она заменила текст сценария на более целомудренный: все глаголы типа «трахаться» она поменяла на «заниматься любовью». Разумеется, текст потерял остроту, и в некоторых местах пропала мотивация. Полчаса мы изучали, где какая интонация должна появиться органично, постепенно все «трахи» вернулись. Но

все-таки текст звучал как-то по-пионерски, слишком горячо. Тогда я предложила такой фокус: «Попробуй говорить губами, думай о губах, когда говоришь текст». Актриса попробовала, ее интонация изменилась, она стала более высокомерной и сдержанной. Мы сделали запись, и когда она увидела себя, ее удивление своему превращению не было предела.

Одних читают миллионы, у других на стене пустынно, как в коридоре, за стеной которого вечеринка. Кому-то и так хорошо, они хотят смотреть кино на стены других. А кому-то ужасно тоскливо в пустоте, они проявляются на стенах кристаллизаторов – других людей, которые заваривают воронки эмоций и энергий, близких по температуре.

По речи можно узнать о человеке очень многое, если не всё. Мой ум полюбили ум Яэль, когда мы общались буквами в сети, а теперь я имела наслаждение узнавать Яэль на звук. И звук был прекрасен. Я всё слушаю ухом живота с тех пор, как осознала, что «Я» нахожусь у себя в животе, как и все даосы. Немногие люди имеют рабочее ухо живота. И вот я чувствую, что у Яэль как раз-таки есть это ухо. И правда. Оказалось, что там, у себя во Владивостоке, Яэль много практиковала тай-цзы, чтобы укрепить травму спины. Мы совпадали пониманием движений, поэтому было легко.

- Ашкелон – особое место, тебе понравится здесь, - говорит Яэль. – Ты почувствуешь.

И это правда. Я уже чувствую. Я улыбаюсь.

Яэль

Два дня назад Яэль мне прислала билет «Москва-Тель-Авив» и написала: «Я решила, что так будет проще». Сначала я насторожилась по московской привычке вязнуть в рутине, опасаться пустой породы, пустой болтовни для пафоса, для понтов, нагнать себе цену, бросить блесну обещания, чтобы поднять себе ценность. Поэтому мутный поток мимо-мимо... Никогда не знаешь, где по мелочи с тебя возьмут клочок пользы. Да вроде и не жалко – мы все должны быть полезны друг другу – вопрос как, каким образом. Но это же была Яэль, а не привычная московская рутина. И я шагнула в это, в новое.

У нас есть два «Я»: социально-эмоциональное «Я» - это когда мы бьем себя в грудь, а есть жизненно-животное «Я» - это когда мы чуем, как мир отражается в нашем теле. Я многим клиентам по психологии и актерам (конечно же) преподаю это «ухо-живота». И это меняет не то, чтобы много, меняет почти всё. А теперь, на хайвее посреди пустыни, я чувствую мир ухом живота.

Вначале было слово. И слово было знак. А вообще, я люблю умных клиентов - тех, кто понимает мой метафорический язык, они дают стойкий быстрый результат и хорошо платят. Вот недавно я дала специалисту хай-класса по консультированию урок владения публикой для групповых выступлений.

Я сказала одну фразу: «Говори из живота, проверь мысли животом». Специалист понял.

Устанавливать голос на диафрагму надо не только для того, чтобы открыть звук, но и для того, чтобы пробудить ухо живота. У Яэль хорошее ухо живота. Чуткое. Яэль уверенная и быстрая, как ее машина. Мне давно не хватало такого быстрого ритма, решительности такой безоглядной. Сейчас меня это просто спасает. Мое ухо живота в блаженстве, они впитывает мир, голос Яэль и голос Небес.

«On a dark desert highway, cool wind in my hair. Warm smell of colitas, rising up through the air». Но только в моих волосах теплый ветер. Ночь, полная, густая, любящая, мчится навстречу и закипает во мне пузырьками восторга. Газировка счастья. И я чувствую, что Яэль научит меня чему-то важному.

Я тогда еще не знала, насколько важно в Израиле иметь доступ к искусству. Искусство здесь живительно, от него исходит реальная важная сила. Аристократизм духа, оно помогает держать струну внутри, ощущать меч позвоночника. Думаю, что не только потому, что каждый здесь всегда помнит слово «момад». Момад – это стальной куб для сохранения жизни во время бомбежек, которые всегда рядом. И картины помогают удерживать силу жизни внутри. Я это увижу позже.

Яэль в тот вечер присмотрела онлайн несколько моих живописных работ. Но как отправить? «Слушай, летит из РФ

моя подруга в Страну. Она привезет. Оформляй на вывоз!» - написала Яэль. «Ок. Хорошо», - сказала я и начала оформлять. В общем, возились мы, с кем бы отправить пакет 60x70 см, и внезапно Яэль написала мне: «Знаешь? Я решила, что проще тебе самой прилететь. Заодно отдохнешь». Я на миг замерла и... согласилась.

Бывают минуты, когда за спиной у людей я слышу шелест ангельских крыльев. И вот – этот миг: ты или слышишь ухом живота этот волшебный шелест или слышишь, как свистит черный сквозняк вселенной. Если в животе тепло, значит, это шелест крыльев, и тебе туда надо. Если свистит и подташнивает под ложечкой – не спеши. Ухо живота никогда не врет. Вначале было слово, и оно было молитва. И оно было Бог.

Алеф

И что же нам говорит «Википедия»?

«[Алеф](#) — буква еврейского алфавита.

[Алеф](#) — буква финикийского алфавита.

[Алеф](#) — буква эфиопского алфавита геэз.

«[Алеф](#)» — рассказ [Борхеса](#) и название сборника, куда входит сам рассказ.

" [Алеф](#) " — роман Пауло Коэльо, изданный в 2011 году.

[Иерархия алефов](#) — последовательность кардинальных чисел, используемых для представления мощности (размера) бесконечных множеств».

Смотрите, как пишется Алеф: א. Это похоже на то, как из ровного «ничего» возникает нечто – волна. Появляется волна и возникает вселенная. Море, рыба, человек. Бык. Тело. Телец. Вот не было человека, и он прошел через «далет» (ворота) и родился. Родилось тело, в котором есть крик. Немота алефа разверзается криком, первым криком «А-а-а-алеф», неслышным Вдохом Создателя. И в этот момент Создатель немного отступает в сторону, чтобы посмотреть, что получилось.

Алеф может использовать, кто угодно, но не кому угодно она сообщит свою полноту и потенцию. Это знаете как? Как вселенные. Место, где мы живем, является сетью вселенных. Каждое живое существо – это вселенная, которая родилась

вместе с ним, как с наблюдателем. Из матки матери каждый раз рождается вселенная. Вот с этим ребенком, котенком, пчелой, рыбой...

Гематрия слова Адам — 46, и 46 хромосом - геном человека.

Алеф как первый крик ребенка, выдох Создателя. Дам - кровь. А-дам - дыхание и кровь. Адом - красный. Адама - земля. Д - далет, дверь. Чтобы родиться, надо пройти дверь, «далет». М – «маим», вода. Красная вода - кровь. Красное море. Расступитесь воды, пустите эту глину в жизнь. Алеф. Говорят, что алеф означает быка – прямая линия – тело, кривая – рога.

Хотя слово «qerep» означает и «рог», и «луч», монах Иероним, переводя Танах на латынь, выбрал «рог» (керен). Вообще, в древние времена было мало слов, и все они старались выражать суть. Рог – это сила, луч – сила. Луч силы – рог. «Керен» - свет, лазер, проблеск...

А еще есть слово «один» (эхад), его гематрия 13, если сложить 1+3 будет 4 – дверь (в широком смысле). Но ведь каждый человек дверь в его мир. Она может быть открыта, а может быть закрыта. И лишь соединяя двух людей (эхад+эхад) мы получаем чисто Бога – 26. Двое, когда они отражают друг друга, создают Слово. Отражение – это самое первое Слово. Я улыбаюсь – и ты понимаешь меня. И значит, мы существуем. Мы существуем, когда нам есть, что сказать и кому сказать. И есть, кого услышать. Так Бог спускается с Небес, из

непроявленной Пустоты, из Света вечности к нам, в боль и радость нашего проявленного «Я». Мы и не могли бы возникнуть без Отражения.

Поэтому у лиц моих ангелов на картине «Бог» нет лиц, они же не чувствуют боли, они не чувствуют радости, они просто руки Бога, вестники, посланники. Я не знаю, как это в других концепциях, как оно в разных догматах религий, я сейчас пишу о моих ощущениях.

Роды. Крылатый

Внуково было переполнено. Очень много народу хотели скорее подняться в небо. Месиво разноцветных одежд и лиц. Мигранты летят к себе в Центральную Азию, россияне сбегают на время или навсегда кто куда: Тай, Стамбул, Вена, София, Париж, Берлин, Нью-Йорк, Багамы, Рим, Касабланка... Кто по делу, кто домой, кто за солнцем...

Я все еще думаю, что мне до посадки в самолет осталось полчаса. В принципе, я успеваю выстоять любую очередь из предложенных, но я не люблю быть в месиве, моя спина не любит стоять в толпе – травма детства по-прежнему регулирует силу моего терпения. Это похоже на СДВГ. Но это не оно. Я научилась ждать терпеливо, занимая мозг размышлениями, я умею нежно выпадать из терпения в просторы внутреннего мира. Еще в детстве научилась долгими одиночествами болезней. Я даже полюбила быть одна в послушном придуманном мире, его можно было менять на свой вкус – и пространство, и время. Но моя спина. Она не может терпеть неподвижность. Да, я работаю с этим – жизнь наполнена исследованием тела, моя жизнь началась с подвига – восстановить себя после операции. И она продолжается до сих пор. Я пообещала себе достичь совершенства к 70 годам. А сейчас я хочу скорее на воздух, на простор.

Наконец-то пограничник проштамповал мой паспорт, и

вот из тесноты очереди я вываливаюсь в огромную пустоту пространства вылета. Фак! Табло тут же сообщает мне, что рейс Azal в Баку задерживают на 5 часов. Очевидно, что я не успеваю на пересадку «Баку - Тель-Авив». Ну, окей! Доверюсь шелесту крыльев, я все еще его слышу. Жизнь научила меня, что если что-то идет нештатно, то выбор из «беспокоиться» и «оставаться спокойной» всегда надо делать в пользу внутреннего комфорта, даже если это страдание. Если это страдание создает тебя, а не убивает.

С самого начала в моей поездке присутствовал Творец. Астрологи предсказали мне внезапное путешествие, я все думала – куда. И вот оно – Ашкелон. Что предшествует появлению на свет, схватки, отход вод, открытие матки - все происходит скрыто. Все, что происходит во Внуково, я ощущаю именно так. Внуково рождает меня. Муторно, бессонно, дорого, без удовольствия. Как эпитимью рождает, как роды по договору, скучно, безрадостно.

Друзья, приглушив голос, говорили мне: «Э-э... Ты уверена, что туда летишь? Там, типа, каждый день теракты и все такое...» Прошел год после седьмого октября, но волна, поднятая войной, все еще гуляла вокруг Земли. Как долгое эхо не раз окатывает проходные дворы своим хохотом, так и конфликты на Святой Земле долго отдаются во времени и пространстве, выбрасывают из времени бытия сгоревшее железо, трупы убитых, раненных укладывают на госпитальные койки, заваливают кого-то долларами, а кого-то оставля-

ют под пустым равнодушным небом «спасибо, что живой». Спасибо? Умереть всегда успеешь.

Многие люди ищут причины событий где-то поблизости, потому что виноватого найти проще, чем посмотреть на Землю глазами Бога. Крылатый садится рядом со мной в кресло зала ожидания:

– Ты же знаешь, все в мире делает Он.

– Знаю. Давно тебя не было!

– Ну, знаешь? Много работы. Короче! Он создает все истории, ты можешь только потерять внутри этой истории или найти. А это уже твое решение. Так-то можно и в постели от тромба не проснуться.

– Так-то да, - соглашаюсь я.

– Но спать очень хочется. Не люблю спать сидя.

– Практикуй, - усмехается крылатый. – Что тебе отец говорил? Не можешь изменить судьбу, полюби ее.

– Я бы сейчас кровать полюбила. И у меня есть большие претензии к моему папаше – он унижал меня, как девочку, а предьявлял мне, как к мужику. Мне это не в пользу пошло, поверь.

– А вдруг пошло?

– Издеваешься?

– Послушай, дорогуша, - вскипает он. - Я – ангел, я все про тебя знаю. И эту твою историю знаю наизусть. Да! Папаша твой сделал тебя своей мамкой, жену он не мог ударить, поэтому за всех доставалось тебе. Сколько можно одно и то

же? Я не твой психолог!

– Ну... прости? Просто к слову пришлось. Просто мне приходится работать с этим.

– По крайней мере, ты знаешь над чем. А сколько твоих клиенток ни сном, ни духом, что за дерьмо они волокут с собой в сумке!

– Да. Ты прав.

Он помолчал и продолжил уже тихо:

– Прошло десять лет, ты опять летишь в Израиль. Это твое метапутешествие. Ты должна прочувствовать этот момент. Знаешь, для чего ребенка мучают в родах – думаешь легко пролезть через этот узкий выход?

– Для чего? Разве не анатомия тому причина?

– В мире все причина, и все не причина. Помнишь синхронизм Юнга?

– Даже испытываю на себе. И не раз! – ухмыляюсь.

– Ну, вот!

– Читаю твои мысли, - говорю я и прислоняюсь к шелковому на ощупь крылу. – Чтобы прочувствовать сложность перехода, чтобы подготовиться к будущему, которое, прямо скажем, нечасто бывает ласково.

– Не понтуйся, - улыбается крылатый. - Ощущай, читай метакарту мира.

– Может, лучше деньгами? У меня столько планов на эту жизнь...

– Может. Но ты не разобралась еще с собой. У тебя уже

нет трубки в трахее. Ты уже давно живешь сама, хватит отказываться, научись, наконец, владеть. Ты же учишь этому своих сирот! И успешно!

– Сапожник без сапог, - криво улыбаюсь я.

– Запомни! – медленно произносит Крылатый. - Дают не столько, сколько ты стоишь, а столько, на сколько ты соглашаешься.

Я обдумываю и вспоминаю все свои случаи, когда мне было жалко клиенток, и я понижала цену.

- О`кей. Допустим, я не согласилась, и? Тогда бы у меня не было и того, что есть!

– Ты помнишь, как ты первый раз попала в Израиль?– Да! Я пела псалом, чтобы почувствовать энергию. И все произошло само собой.– Ну? Мне надо тебя учить?– Но я не знаю, какой псалом нужен для того, о чем ты говоришь... Какие в нем должны быть слова?– Вот! Вот! Не зря тебя отправляют в Ашкелон. Ты знаешь, что значит название Ашкелон?– Нет.

Крылатый улыбается, даже оскаливается:

– Ничего. Узнаешь при случае. Ну, всё... Меня, кажется, вызывают.

Он как-то мгновенно потерял ко мне интерес, хлопком сложил крылья и ушел, прихватив чемоданчик с хирургическими инструментами. Мне епитимья – ждать. Обнимая сумку, я вхожу в энергию бесконечности, в даосскую энергию покоя.

«Читай метакарту Мира!» - такое могла бы сказать моя

дорогая Маша из дома в стиле модерн на Большом проспекте, в доме, где на лестнице стоят кресла, а в окне витражи и далеко видны крыши Питера, которые так похожи на крыши Парижа. Мы с Мэри в единстве космосе, в метамире. Однажды мы так внимательно отражали друг друга, что я увидела свое лицо на ее лице, а она свое на моем. Было странно – будто смотришь в зеркало. И сама я эти слова говорю себе и другим довольно часто. И вообще - разговор с Клылатым - это мой способ смсотреть на себя с метапозиции.

Я проснулась. Вдох-выдох. Даосы никуда не спешат. Интересно, есть ли уровень просветления не чувствовать горячий утюг на животе? Что сделает мастер, если самолет, в котором он летит, начнет падать? Мастер не сядет в самолет, который собирается упасть. Мастеру не нужны деньги, ему и так приносят всё, что ему нужно. «Нет, я не смогу терпеть утюг», думаю я, вспоминая свой странный вопрос. Я ни секунды не смогу терпеть утюг, сдамся при одном виде утюга. Но разве грозит утюг тому, у кого ничего нет? И я вспоминаю свою Миру.

Мира

Мира пришла ко мне, посмотрев ролик мой ролик в интернете. После обычных предварительных танцев мы встретились у меня в кабинете. Мира спросила:

– Можно, я буду курить?

– М-м-м.. – я задумалась: я же не курю, и в кабинете у меня не курят, а, значит, это атака на сеттинг, вам любой первокурсник скажет, что сеттинг нельзя нарушать. Но... Мира видит, что я раздумываю, и прячет пачку с сигаретами.

– Ладно, не буду, - говорит. – Обычно я тушу их об свои руки. Мира приподнимает длинный рукав серого свитера, все предплечье левой руки в кругляшках от затушенных сигарет.

– Не хочу якорить, - говорю я.

– Если сейчас закуришь, то в следующий раз опять захочешь. Зачем?

– Ну да... – Рассказывай, - вздыхаю я. – На ты или на вы?

– Пустота, - говорит она. – Я не знаю, зачем я. Лучше всего я чувствую, когда мне надо что-то сделать для другого или совершить подвиг. Однажды у меня был парень, я заботилась о нем. А он обо мне. Он мне разрешал быть самой собой, и я этим очень дорожила.

– Быть самой собой? – осторожно повторяю я.

– Ну да, - отвечает Мира. – У меня в детстве было мно-

го нехороших историй, и я привыкла к тому, что недостойна. Я смотрела на мою мать и думала, что я недостойна ее внимания. Смотрела на красивых, в новеньких платьях одноклассниц и думала, что недостойна, хотя я училась лучше, чем они. Но я приходила домой и думала только о том, чтобы на меня не обратили внимания, не спросили о чем-то, что опять не так. А он... Ему было все интересно, что со мной происходит. Поэтому я чувствовала, что он для меня самое важное, что он вытаскивает меня откуда-то из ямы. Как-то мы шли ночью, встретили трех гопников, они начали докапываться до нас, один из них толкнул моего парня. И тут во мне вскипела такая ярость, что я превратилась в дикого зверя, я вообще не думала, что будет, я просто снесла их. «Ну, ты даешь!» - сказал мой парень, когда мы остались одни.

– И? Что было дальше, - нарушила я затянувшуюся паузу.

– Он много пил. Я стала с ним деградировать, поняла, что надо выбирать или себя или его. Ушла.

– Жалеешь?

– Нет. Но не знаю, как вылечить пустоту. У меня внутри пропасть, в которую я иногда бесконечно падаю. Пустота хуже всего. Это, как будто, у тебя внутри раскаленный утюг. Тогда лучше сигарету. Одну за одной до пересохшей трахеи, до кашля, до деревянности. Говорят, серотонина так больше становится. Мне бы нужно серотонина больше. Чтобы не чувствовать. В общем, когда сигарету тушишь, то внутренняя боль не чувствуется. Уже как будто наказал себя и боль-

ше не виноват.

– А в чем ты виновата?

– Не знаю. В том, что у меня все не так. Я никого не люблю. Я поняла, что никого не люблю, даже себя. То, что я думала, что люблю его, это просто была благодарность за то, что он закрыл мою пустоту. Ты думаешь, что вот, кто-то должен полюбить тебя, увидеть тебя, тогда будет все хорошо. А никто не хочет быть за тебя. Он любил водку больше, чем меня. И я поняла: никто не за тебя. А зачем я тогда? Я пятерки получала для мамы, не для себя. Я все делала для кого-то.

– А что ты хотела бы сделать для себя?

– Ничего, - говорит она.

– Давай поищем? Путешествия, концерты, кино, дети и большая семья...

– Нет. Я не хочу детей. Я хочу умереть. Или чтобы пропала пустота.

– Как воздушная яма? – спрашиваю я.

– Да! Как воздушная яма, когда летишь в самолете в Индию. Самолет колбасит, как на американских горках, пассажиры визжат, подлетают к потолку, блюют в пакеты. И ты подлетаешь к потолку, и у тебя в животе яма. Но она у тебя уже давно там, поэтому ты не визжишь. Ты уже привык. И оттуда, из живота, диктор радио «Блюз» голосит голосом похожим на визг гитары «...а что, что-то задолжал?» И этот визг струны взлетает тоже к потолку самолета. А ты не взлетаешь. Ты сидишь в кресле, продолжаешь спать и во сне ви-

дишь, как пассажиры вместе с гитарным визгом взлетают к потолку самолета. А ты спишь, потому что сейчас, именно сейчас, ты хочешь спать, потому что твоя внутренняя яма гораздо глубже. И пусть самолет делает, что хочет.

– Понимаю, - говорю я. – А покажи, где у тебя эта яма или внутренний уют, что тебе больше мешает?

– М-м-м.. – Мира на секунду задумывается. – Это одно и то же, просто по-разному.

– Покажи где?

– Вот здесь, - говорит Мира. Прикладывая ладонь к животу прямо под грудиной.

– Сейчас чувствуешь его?

– Ну-у... так. Меньше, - говорит Мира.

– Чувствую тепло моей руки.

– Вот. Отлично, - говорю я. – Можешь его выплюнуть?

– Выплюнуть? Как это?

– Ну, смотри!

Я показываю Мира одно из упражнений, которые применяю в голосовых и антитревожных практиках для пробуждения диафрагмы.

– Просто выбрасывай уют голосом, помогай руками! Вот так: «Хо! Хо!»

Конечно, это было необычное «хо!», а глубокое, знакомое адептам тай-цзы и хорошо обученным актерам. Сначала робко, а потом до изнеможения Мира вышвыривала из себя звук: «Хо! Хо! Хо!» Мира всхлипывает, вытирает слезы, по-

том нервно смеется и наконец выдыхает.

– Спасибо, - говорит Мира, прислушиваясь к себе.

В этот момент совершенно неожиданно в кабинет входит Крылатый. Обычным человеком. Он носит большое пальто или плащ, чтобы прятать там крылья. Его вижу я, и видит Мира. И она снова нервно смеется. Нет, конечно у ангелов нет лица, они же просто посланники, но мы можем их придумать, они могут отразить нас. И сейчас и я, и Мира видим его лицо совершенно по-разному. Ну нет, конечно не совершенно, мы видим ту проекцию, которую набрасываем на ангела. Как мы узнаем, что он ангел? Я давно с ним знакома, а Мира... Ангел отражает тебя, твое подсознание и из этого отражения создает себе лицо, которое ты от него ожидаешь.

– Кто это? – говорит Мира, чувствуя нештатность ситуации.

– Ангел, - говорю я. Друг мой. Или помощник.

– Обижает? – говорит мне Крылатый. – Я твой гуру.

– Как скажешь, - соглашаюсь я - я же сама его придумала таким.

– Ну, что у нас тут? - Крылатый небрежно, немного любясь собой, садится в кресло и закидывает ногу на ногу.

Мира нервно смеется:

– Я бы сейчас сигаретку затушила.

Я делаю выразительное лицо. Воцаряется молчание тишины, за окном громко раздается далекий звук электрички.

– Ты реально настоящий? – спрашивает Мира.– Я более

настоящий, чем все, что ты до сих пор видела!- немного горделиво заявляет Крылатый.

Я усмехаюсь: иногда он невыносимо нарциссичен.

– И что будем делать? – спрашивает Мира у Крылатого.– Я буду мешать тебе жить.

Мира нервно хохочет.

Крылатый снимает с ёлки блестящую нитку дождя, привязывает ее к руке Мира и взлетает к потолку воздушным шариком. Она дергает нитку, шарик покачивается.

– Что это? – она не знает, как реагировать.

– Это метареальность, - говорю я.

Крылатый возникает снова в виде человека, хотя розовый шарик продолжает танцевать на золотой нитке дождя, усмехается и решительно выходит вместе с Мирой из кабинета.

Она, ошалевшая, только и успевает, что взглянуть на меня на прощанье, а я запоминаю, как волной сквозняка поднимает со стола белый лист бумаги – я все еще многие вещи пишу ручкой или карандашом. Мелкая пластика же! Это важно. А еще у меня есть коробка с бисером, иногда я его перебираю – как способ осмыслить какой-то процесс.

Фишка в чем? Если ты гонишь мысли принудительно, они повторяют то, что уже было. Но когда берешь в руки некий метапредмет, он задаешь не твою структуру мышлению, а передает свойства предмета. Есть мысли, которые надо думать с бисером в руках, есть те, что требуют лежать в ванной, ходить по парку, делать уборку, выбрасывать ненужное,

делать форму тайцзы, бесцельно гнать на машине по хайвею, чистить картошку... Как правило тема мыслей сама подсказывают по какому пути надо пустить процесс, чем воспользоваться.

В общем, нет. Наверное, все было не так. Все было так до момента, когда Мира показала мне свои белые кругляшки от потушенных сигарет. А потом... Потом было не так. Но я же вам не передам наш с ней разговор? Нет. Не передам. Тайна кабинета. Но я думаю, что если бы Крылатый существовал, то было бы иначе, не так попсово и весело. Он бы появился, как это и бывает, невидимо ни для меня, ни для Миров. Обычно это происходит внезапно – что-то происходит в воздухе, меняется его форма.

Если вы видели, как крахмал вдруг делает жидкую воду густой, то вот примерно так. Не в том смысле, что пустота воздуха становится густым, а в том плане, что он меняется сама пустота. Как будто до этого в воздухе была хаотическая структура невидимых штрихов, а теперь она мгновенно превратилась в пространственную сетку. Пустота стала звонкой, от нее идут резонансы прямо в будущее, через ее струну можно услышать, что будет, ты становишься не точкой в пространстве времени, а параллелепипедом времени. Ты одновременно чувствуешь этот кусок временной пастилы, в котором ты уже есть там, на другом конце перед следующей порцией тумана неопределенности.

Вот. И это и есть Крылатый. Это он. А пишу я про его кры-

ля и прочую мишуру, потому что мне требуется какой-то образ. Ну какое-то мета изображение. Вы видели ангелов? Нет. Никто их не видел. Все их чувствуют и дорисовывают себе по потребности картинку. Ну опять же – это моя игра, а вы думайте как хотите. В конце концов, никто никогда не видел грифона или сфинкса, что не мешает их рисовать.

Кресло

Я редко предлагаю кресло. Ну, разве что поначалу, чтобы клиент мог в нем спрятаться от самого себя. Как только он становится смелее, я предлагаю табурет. Кресло забирает себе тело клиента, делает его глухим. У меня даже табурет есть. На табурете лучше всего чувствуешь тело. Еще можно лежать на ковре, смотреть в потолок и чувствовать, как пол касается копчика, спины, лопаток... В общем. Такое вот у меня. Думаете, я это придумала? Нет. Все так и было. Все так и есть. Нитка нужна, чтобы держать связь с крылатым. Я не знаю, откуда они появляются на моей ёлке, но когда приходит клиент, нитка начинает вырастать. И растет, пока не появится личный ангел. Они по-разному появляются. У кого как.

Внуково – Баку

Внуково. Ночь, вокруг сумрак и приглушенные звуки. Объявляют отлеты, прилеты, задержки. Я рождаюсь. Все логично: нельзя родиться без мук. Я не могу думать о будущем, я его доверила Создателю. Мою картину «Бог» я доверила компании «Azal». Как странно, я везу «Бога» в Его Страну. Это не может быть простой поездкой, в этом точно есть Его присутствие.

Так зачем же нас мучают? Мать и ребенка. Зачем нам общая пытка? Пережить страдание и снова встретиться, уже с открытыми глазами? Синхрония. И я не причина твоей боли, и ты не причина моей. Но люди ищут виноватых. Почему? Это ловушка. Если ты передаешь за себя ответственность другому, ты можешь не менять себя и не менять свои связи. Но у тебя остается боль. Боль нас связывает. В любви всегда есть боль. Хотя нет. Любовь независима, потому как она отдача от щедрости и избытка. Привязанность. Мы привязываемся к другому, чтобы меняться болью.

Можем ли мы жить без прощения? Без любви к боли? А что нас будет связывать? Вот тебе моя разбитая коленка – подуй на нее, мне будет не так больно. Это привязанность. Ты теперь доктор моей коленки. Если ты чувствовал себя нужным, полезным, тебя порадовало, что моя боль прошла, значит, я доктор твоей нужности. Вот так мы и живем в при-

вязанности. У нас есть сумки с пластырями, мы их клеим на больки друг друга, это нас наполняет радостью и дает смысл жить дальше. Многие называют это любовью. Возможно, это и есть какой-то из видов любви.

Вот армяне говорят «Возьму твою боль». Это не значит, что надо идти вместо тебя к зубному. Зуб-то твой. Тебе и лечить. Но мне будет не все равно, как там у тебя все случится. И я буду рад, когда ты скажешь, что с зубом все хорошо. Мне это важно, это наполняет меня смыслом. А еще лучше, я пойду с тобой к зубному, буду ждать тебя в коридоре и через стену держать тебя за руку. Чтобы ты не чувствовал, что ты один с твоей болью.

Я буду через стену отвлекать тебя шутками и дурацкими разговорами. Ты же слышишь? Так я возьму кусочек твоей боли, разотру ее в пыль и выброшу в реку. Я не брошу ее в мусор, она важна мне, потому что ты важен мне, ты отражаешь меня настолько честно, настолько угадываешь меня, что без тебя мне будет больно все вообще. Я привязана к тебе. Я – наркоман тебя. Без тебя во мне постоянно горит внутренний уют. Бывает ли жизнь без внутреннего уюта? Совсем без тревоги и печали?

Вначале было слово. Сначала мы смотрели друг на друга, и это давало нам силы. Когда я вижу свое отражение в твоих глазах, я становлюсь смелее, потому что я тебе интересна, а значит, мне можно жить. Моя радость отражается в тебе и возвращается ко мне вдвое усиленной, и удвоенную ее я

снова посылаю ее тебе. Мы с тобой – зеркальный коридор. А когда мы расстанемся, мне некому будет отдать мою боль, и у меня снова загорится внутри уют.

Еще, конечно, можно от метаутюга избавиться магией. Сделать из метаутюга реальный бумажный кораблик и отпустить его по реке Утюгов. Если присмотреться, то много утюгов каждый день уплывает по этой реке.

– Утюги не плавают! – сообщает мне внутри сна диктор, который объявляет задержки рейсов. Или это не он. Или это мой внутренний диктор?– Плавают, - улыбаюсь я сквозь сон. – Еще как плавают. Просто надо правильно выбрать реку и время.

И как мне пришла в голову идея нарисовать моего «Бога». Боже.. Когда это было? Где-то в начале сентября. Бог помогает нам через события, через людей, через книги, может помочь даже надписью на стене, тогда эта стена станет его ангелом. Это моя давняя идея, что Бог посылает своих ангелов, вселяя их внутрь людей. Я убеждалась в этом миллион раз. И вот, Он ведет меня Своей Рукой. И Яэль – Его ангел.

За огромными окнами Внуково новый день, мой утренний рейс «Баку-Тель-Авив» давно улетел. Ну, нет. Не давно, как раз взлетит, когда задержанный «Москва-Баку» приземлится, мягко торкнется в бетон взлетно-посадочной полосы и покатится взревев тормозящими двигателями к аэропорту «Гейдар Алиев».

В «Гейдаре» мы быстро и легко пройдем в зону транзи-

та, где красавцы-сотрудники (кстати, по-русски все отлично) с шутками и улыбками выдадут нам проштампованные визами паспорта, а потом автобус отвезет нас по красивой дороге, которую я, конечно, проспала, в прекрасную президентскую гостиницу, где душ, роскошная кровать. Отоспавшись, наша группа опоздавших встречается на обеде, не менее роскошном, чем номера отеля. И у меня остается час побродить по окрестностям. А уже на обратной дороге в автобусе есть возможность посмотреть красоты Баку. Мощный город. Никогда не собиралась, но чувствую, что это подарок. Подарок то, что рейс задержали и у меня есть приключение в Баку. Теперь я думаю, почему бы не приехать сюда снова?

Снова перелет, и вот в 21.30 я выхожу из самолета в Тель-Авиве. Уже темно.

Рождение

Первый дом в гороскопе – это когда ты рождаешься наконец-то и издаешь свой первый алеф, свой крик, через боль в легких ты узнаешь жизнь. Пишут, что буква «алеф» возникла из фигуры быка – не потому что такой вечный спор между Богом Моше и тельцом? – но мне его написание напоминает еще и синусоиду, которая проявляет непроявленное. Великая Пустота – это как ровная линия, чтобы ее ощутить, ее надо согнуть в волну. Хотя в рукописном варианте Черта алефа больше похожа на рога. Да. Нам нужны рога, чтобы пробиваться через реальность.

Как я и думала, картины застряли в Баку. И вот я стою в зоне прилета и думаю, что делать. Яэль выходит на связь: «Заполни в зоне потерянного багажа заявление на русском, там кто-то обязательно говорит на русском». Я немного теряюсь.. Вот так? Сразу? Да?

– А-а-а.. Можешь ты поговорить с ними? - я надеюсь избежать такого быстрого перехода к активности.– Нет, - говорит Яэль. – Ты сделаешь это сама. Я здесь, на проводе.– Ладно, - вздыхаю я и направляюсь в угол огромного здания аэропорта, где за стойкой «Потерянного багажа» несколько человек служащих (пакидим) спасают потеряшек, помогают им снова встретиться со своими чемоданами.

Мне нужны эти пробы неизвестности. И они ко мне доб-

ры. Неизвестность идет мне навстречу, как мать идет к ребенку. Очень важно ожидать от реальности, что она будет добра к тебе. Пожалуй, да – это мое согласие получить мое. Готовность обладать, согласие получить, взять, обладать. Кайфово, что Яэль поддерживает меня своим голосом, не покидает меня.

Я смеюсь: голос, как важен голос матери для ребенка, который впервые попал в мир. Не "Ты позоршь меня!", не "Сама разбирайся в девятью старшеклассниками!", не "Учитель всегда прав", не "Собака ни с того, ни с сего не кусает!" и прочую белиберду, которая делает ребенка одиноким. Это флэшбек про многих моих клиенток, эмоциональных сирот. Мама есть, но она не защитит. Она сама боится. С этого все и начинается. Теплый, уверенный голос матери внутри, тот голос, которым она была готова помочь, но не мешала.

Жертва готова отдать. Человек-жертва заранее отказался от своего права на жизнь, он ставит себя в очередь за жизнью последним в очереди. Он согласился не иметь права жить. Я снова вспоминаю Миру. Где-то внутри меня тлеет огонь, сжигающий Миру. Точнее сжигавший. В результате практик Мира разрешила себе жить. Конечно же, уют, который я выбросила в мусорку, был только началом путешествия.

Если судьба похожа на чемодан, то бывают и люди, которые потеряли где-то свою судьбу. Инет никого, кто мог бы им помочь ее найти. Хотя вот. Мира же нашла. И перестала жечь сигаретами руки. Неожиданно мир в ее душу принесли

дети. Сначала чужие - она начала работать нянькой, я дала ей задание поработать нянькой, чтобы посмотреть, как живут другие семьи. Каждые две недели она приходила ко мне и рассказывала о том, чем обогатила ее практика. И однажды Мира заявила, что хочет делать массаж детям. Поступила и начала делать. Потом прислала мне фотку – себя и малыша.

– Привет, - писала Мира. – Я узнала, как любить себя. Это просто – любить свою жизнь. Любить Творение Создателя, которым являешься ты.

Оказалось, довольно легко найти отдел потерянного багажа, слава богу, что у меня есть квитанция и фото упаковки. На трех языках – иврит, англит и русский – мы договариваемся, и вот у меня в кармане квитанция. «Привезут в Ашкелон, - говорит говорит Яэль, когда я немного ошалевшая вываливаюсь из зоны прилета в теплую, темную, сладостную ночь, пропитанную ветром и запахом пустыни. - Пойдем искать машину!» И мы идем бродить по огромной стоянке.

Хайвей и Хеллинггер

Я смотрю на профиль Яэль, на фоне мелькающих пальм в глубокой лохматой темноте ночи и вспоминаю только что ушедший день. Если во чреве Внуково была сплошная ма-ямта, то теперь все сменилось невообразимой легкостью скорости. Хайвей то летит стрелой, то закладывает виражи, и я чувствую мир как музыку, я все сильнее врастаю в музыку этого мира.

От Ашкелона до Газы 14 километров, но я уже знаю в своей жизни, что судьба возьмет свое там, где она решит, а не там, где ты думаешь. Судьба опускает с небес волшебный куб, как в японской манге. Опускается Куб, и внутри него начинается сражение. Нет, не добра со злом. Двух идей, двух миров... в буддизме нет зла. Мироздание не может совершить Зло, зло существует только с маленькой буквы. Вот встречается тигр и олень, и они оба борются за жизнь – каждый за свою. А Создателю все равно, чья жизнь победит, ему важна сама Жизнь. К сожалению, Жизнь это борьба за жизнь. Круг пищи, круг побед и проигрышей. И ты никогда не угадаешь, что тебе предрешиено, можешь только принимать это с любовью, с безусловной любовью. Даже когда замирает все внутри, и душа висит где-то над макушкой, любить и это. Поэтому поток новостей, которые тёк в Москве насчет вечного ближневосточного конфликта, меня вообще

никак не трогал. У меня тут, в Стране, куча друзей и знакомых, никто из них пока не сбежал отсюда.

– Даже хорошо, что работы застряли в Баку, - говорит Яэль. – Они их нам домой привезут.

И я смеюсь от неожиданности:

– Да-да, когда бы еще кто привез задержанный багаж на дом в Москве. – Вся Москва, как Израиль, - говорит Яэль. – Здесь все население семь миллионов. Просто большой город, протяженностью с севера на юг четыреста семьдесят километров. – О, черт! – опять удивляюсь я. – Это же меньше, чем от Москвы до Питера! – Ага. Я рада, что ты приехала, - говорит Яэль. – И что ты успеваешь на «Международный конгресс системных расстановок». – Да, я тоже рада, - говорю я ошалело. – Если честно, то я вообще в добром шоке, и мои реакции слегка тормозят. Я наблюдаю за ними, но не успеваю проявить. Небольшой примороз. – Ничего! Быстро оттаешь, - улыбается Яэль. – Леха там что-то приготовил вкусненькое, наверное. Да еще от дня рождения вчерашнего куча еды осталась. ДР друзей отмечали у нас.

Мы выбираемся из лабиринта Яфо, и Яэль начинает говорить о Берте Хеллингере. Яэль живет в профессии, в расстановках. На скоростном ночном хайвее – это вообще круто. Я реально чувствую себя в кино. Наверное, Тарантино мог бы снять такой фильм: прилетает гражданка в Израиль, как в зазеркалье, ее встречает другая дама, и они с ходу давай же говорить о Хеллингере. Не про шпильки, не про бренды, не

про мужиков, а про полевые практики, про глубину времен, как это все отзывается в рутине.

А бывает вообще рутина? Бывает, когда ты видишь только рутину, то и живешь в рутине. А если ты видишь поле, а лучше, когда вы вдвоем, вчетвером, вдесятером, в пятьсотером видите поле, тогда вы оказываетесь во втором мире. Самые сильные люди, кто умеет увлекать во второй мир. Сила – там. Второй мир управляет первым. Это как совершать омовение Небесной водой, оmyвая руки водой из латунной кружки с двумя ручками. Или из серебряной.

На огромном ночном небе я вижу экран небесного кинопотока, который показывает мне тренировки, на которых бывали Яэль и Леха. Леха ждет нас в Ашкелоне. Я слушаю Яэль, а Берг очень медленно, медитативно втягивает Яэль и Леху (я видела ролики с Хеллингером) в поле системной расстановки. И я тоже там, я чувствую всё своими зеркальными нейронами. Я в небесном кинотеатре. А вокруг пальмы. Это точно Тарантино.

Вы видели, как Яэль водит машину? Не видели? Ну, и напрасно. Машина у Яэль, как собака или лошадь, у них есть отношения. Нормальная такая ковбойская лошадь - самостоятельная, выносливая. Знаете? Есть наездники, которых любят лошади. Потому что этот наездник чувствует режимы лошади так, как она сама, лошадь, чувствует. Потому что приятнее делать работу, когда ты ее любишь. А если любишь, то потому что комфортно – вот тут нажать, дать газу, а тут дать

продышаться. Вот Яэль такой водитель, машина ее любит.

– Ашкелон – особое место, - говорит Яэль. Ему пять тысяч лет. Ты почувствуешь. – Да. Я уже чувствую. Тут другой воздух. Он двойной.– Что ты имеешь в виду?– Этот воздух протяжен во времени. В нем не только энергия кислорода, но и энергия времени.

Берт Хеллингер был немецким католиком. Он получил духовное образование и до 1968 года был католическим священником, после Второй мировой войны он провел 16 лет в Южной Африке священником ордена Марианхилл, а так же директором в школах для зулусов. Шестнадцать лет – это много, за это время можно глубоко погрузиться в другую культуру, в мир других людей. В конце 1960-х годов, после участия в межрасовых экуменических тренингах по групповой динамике, Берт покинул духовный сан. Психология стала для него интереснее. В своей работе «Движение духа» Берт далеко отходит от традиционных психотерапевтических подходов и религиозных концепций. Движение духа!

Я отслеживаю мое тело, что оно чувствует сейчас. Ветер и место имеют значение. Даже ощущение цвета меняется в зависимости от места, света, ветра. Воздух Африки приносит с юга жару сюда весной – горячий сухой хамсин. Но сейчас мягкий теплый ветер со Средиземного моря – бархатный сезон. А ведь живя на Юге Африки, Берт не мог не чувствовать африканский ветер, не мог не впитать его в свое тело,

В СВОЙ УМ.

Жизнь и жизни

Мое ухо живота топило на полную мощность, оно сделалось похожим на аэротрубу. Машина неслась по хайваю. Я смотрела фильм про Берта Хеллингера и Яэль на экране небесного кинотеатра, и неожиданно мое ухо живота сказало мне, что есть связь между системными расстановками и моими метапрактиками, психомагией Алехандро Ходоровски и гештальтом. Слышать тело. Его малейшие движения, его потоки, мягкие толчки или холод.

Как это происходит, когда заместитель вдруг принимает на себя поле клиента? Откуда приходят эти телесные движения? Почему ты чувствуешь связь с нитями времен и пространств. Кто все эти люди и почему они отзываются? А что, если я расскажу, что основной объем мозга людям дан для общения, для создания текста между, для создания големов из воздуха. Мы складываем в этих големов все, что с нами случилось, нам они бывают дороже, чем телесные, «кожанные», как говорят роллеры. Кожанные могут умереть за текст, за книгу.

Лучший способ очаровать другого – затащить его в свой рассказ. Даже красота человеческих женщин – это тоже рассказ о красоте. Иначе, зачем все эти странные люди Африки вставляют в свои губы и в уши огромные глиняные тарелки? Это их рассказ о красоте, он существует в их поле,

и поле держит людей, как батут. Люди качаются на этом батуте текстов и чувствуют, что им не страшно. Пока есть батут, не страшно. Это поле передают из поколения в поколение. Со словами, с мелодиями, движениями танца, щелчками кастаньет. Людям нужно создавать текст. А точнее метатекст. Вначале было слово.

Разве мы не принимаем в себя всю предыдущую жизнь человека, когда подходим к нему, чтобы поздороваться первый раз? Разве мать не передает нам всю историю рода своими страхами, радостями, эмоциями. Разве все ее тело не трепещет, отзываясь на воспоминания и смутные движения своей родовой истории? Разве отец не передает нам своим дыханием все, что случилось с ним прежде и случилось прежде, чем его зачали его отец и мать? Разве тело не помнит все эти микродвижения, что отозвались на испытания и победы, бывшие задолго прежде тебя?

На иврите жизнь – хаим (множественное число). Жизнь можно жить только во множественном числе. В одиночестве жизнь не существует, кто-то должен видеть тебя, а значит, вас должно быть много. Коридор отражений. По-русски жизнь – живот. Еда и дыхание.

Вот, что важно. Мы вместе можем дышать в рифму и добывать еду. Вместе строить дом, возделывать поле. Нет, не так. Надо написать с большой буквы Еда. Еда – все, что входит внутрь. Вдох – это тоже еда. Наши вдохи-выдохи – вдох и выдох Создателя. Он дышит нами. Мы его легкие. Я слышу

в голосе Яэль Его Дыхание. И я с удовольствием погружаюсь в это поле. Сама ночь жарко входит в мои жилы, вливая с меня жизнь после изматывающей торопливой Москвы.

«Ашкелон. Ты это почувствуешь. Тут все иначе». Я улыбаюсь, я уже чувствую. Живительный сок жизни течет по моему телу. В России много холода, а холод выталкивает в небеса. Хочется уйти из жизни в Небо. А здесь, в Ашкелоне, Небеса опустились на землю, обнимают нежно и тепло.

Странно, что я везу сюда моего «Бога». Надо будет спросить у Крылатого, что он думает по этому поводу. Это небольшая работа, всего 50 на 70 сантиметров. Оргалит. Она небольшая, она не тяжелая, но я чувствую, что за ней тащится огромный вес всего мира. Это похоже, как будто идешь через воду, хочешь быстрее, но когда медленно, то вода успевает тебе уступить дорогу, потому что это маленькая вода, а когда ты идешь быстрее, то ты уже имеешь дело со всей водой в океане. С водами. Вот так и я чувствую, что этот «Бог» тащит за собой океан.

Мой «Бог» творит нашу жизнь своими Руками. Его руки превращаются в ангелов и обнимают нас. «Бог» застрял в Баку. Я вспоминаю книгу Леша Френкеля «Бог, которого не было». Как я читала ее, как я потом записывала кусок текста и снимала клип для Леша. И понимаю, что это одно поле, которое создает мир. Дух мира, его дыхание. Китайцы называют это дао, поток. А у нас дыхание.

Я перенимаю у Яэль ее звуки, это моя охота на музыку.

Мои охоты на голоса – для клиентов, которые хотят сделать шаг на новую ступеньку. На ступеньку из ямы, из отверженности, из отлучения от жизни. Или на более высокую ступеньку. Я слышу в голосе Яэль ту Силу Бога, которая здесь витает над всем: над морем, над темными зарослями, над песком, пальмами, домами. До Газы четырнадцать километров. И там тоже дышит Бог.

Бог обнимает всех. Он всем дает свое Дыхание. Странно, что я везу моего «Бога» в Ашкелон. Наверное, я для этого и еду в Ашкелон, чтобы тут тоже был мой «Бог». Или мой «Бог» везет меня в Ашкелон, чтобы показать мне свои места? Яэль – ангел? Яэль – Рука Бога? Бог простер свою Руку над моей жизнью и выдернул меня из Москвы в Ашкелон. Он так делает второй раз. За что? За то, что я сделала что-то важное. Тот раз я написала книгу «Танго с ветром», провела большой год консультаций девушкой, которая потом стала писателем. Счастлива ли она? Не знаю, но она живет свою жизнь. Вот «Бог» зачем-то прислал ангела Яэль, чтобы показать мне Ашкелон.

– Мы приехали,- говорит Яэль. - Вот «Две коллибри» на кольце.

Маим – воды

Маим – воды. Когда вода льется на тарелку с узором по краю – это похоже на разговор с вечностью. Вода. Воды. Как жизни. Маим, хаим. Множественное число. Воды постоянно в подвижности, воды постоянно, как жизни, движутся через весь мир. Они знают нас изнутри и снаружи. Когда мы приехали, Леха наслаждался двигательной медитацией на кухне. Я тоже люблю такую: стоишь, вода льется, теплая, берешь тарелочку и щеточкой делаешь ее чистой. Рукам тепло в водичке, раздумываешь о чем-то или слушаешь нужное что-то в наушнике. Просто так слушать как-то чего-то не хватает, а когда руки заняты чем-то, что ума не требует, прямо прекрасно.

– Привет, Сашира, - говорит Леха, мягко улыбаясь.

– Привет! – говорю я.

– Как тебя можно называть? Мне нравится, как говорит Яэль «Леха». Это так мягко и тепло. Можно я тоже буду называть тебя Леха?

– Конечно. Мне нравится, - говорит Леха.

– А это наши три кошки, - говорит Яэль. – Они все странные. Тришу мы подобрали со сломанной лапкой на дороге, лапку пришлось ампутировать, поэтому она Триша. Зина – пахан в нашей команде, в смысле в коллективе наших кошек. Настоящий командир, всем раздает звездюлин, но и защи-

щает всех. А на веранде живет матриарх – Жожа, она очень старая. Живет на диване, встает покушать и покакать. Иногда в гину выходит на минутку, на солнышке погреться.

– Кайф. Волшебнo, - говорю я. – Как мне это все нравится.

– Поужинаем в гине? – предлагает Леха.

– Да! Давайте! – восклицаю я. – Это же классно! Ужинать в гине – это такое маленькое счастье...

– ... каждый день, - подхватывает Яэль.

Гина (ударение на «А»). Гина – это такой палисадник, в который ты выходишь прямо из квартиры, из салона (что-то вроде гостиной в России). Салон – это первый этаж, большая комната на весь этаж, в ней место кухни и лестница наверх. Все комнаты на втором этаже. Гина – это Новый год: звезды и фонарики, оплетающие пальмы. Мы выносим тарелки и еду с кухни в гину. Вечерняя трапеза похожа на праздник. Конечно, а новый год. И я вспоминаю Новогоднюю ёлку, которая стоит у меня в офисе, ту ёлку, на которой вырастают золотые нити.

Ради этого счастья люди в России покупают отдельный дом-дачу и ездят туда на машине и электричке, чтобы посидеть рядом с домиком и поужинать на свежем воздухе – поджарить в мангале какие-то сосиски или шашлык. Дача любит людей такими, как они есть. Здесь, в гине, тоже стоит мангал. И пальмы в фонариках тоже любят людей такими, как они есть. Так говорит Берт Хеллингер своим клиентам на расстановках «Я люблю тебя таким, какой ты есть. Я люблю

тебя такую, какая та есть». Это я знаю из роликов, которые посмотрела когда-то на ютубе.

Яэль и Леха говорят о своих планах, в которых звучит очень часто слово «расстановки», «конгресс», «мертвое море». Я немного еще слишком в тумане, как ежик. Они постоянно в этом мире, в этой теме. Это их мир, и я удивительно попала прямо внутрь его. Чему я очень рада. Как ребенок попадает в мир, рождаясь, не выбирая, и начинает сразу же впитывать мир движениями, ощущениями, вайбом, так я себя чувствовала в этот вечер.

– Расстановки – это знание, никакой мистики, - говорит своим методично-мелодичным голосом Яэль. – Это знание.

– Но когда я смотрела ролики Берта, - говорю я, я чувствовала, как он удерживает пространство, ритм, поле. В этом есть больше, чем знание.

– Конечно, - улыбается Яэль. – Знание и что-то еще. Берт очень силен энергетически. У него огромная мощность поля.

– Меня зацепило дыхание Хеллингера. Его дыхание инструмент. Дыханием он держит темпоритм.

– Конечно, это мощный инструмент. - Яэль сильна внутренним Хеллингером. Есть вещи, которые учитель передает молча, дыханием. Уверенность, опору в знании - это не передать текстом, текст пуст, пока он не дышит.

Я вижу, как Берт отражается в Яэль и в Алексее. Вместе с нами за стол в гине невидимо садится Хеллингер и улыбается своей странной, неземной улыбкой, улыбкой человека,

который впустил ангела внутрь себя. Хеллингер ничего не ест, он просто улыбается и время от времени кивает и еще улыбается, источая еле заметное облако света.

Таким светом светится радость, когда падаешь в медитацию, в свое электрическое тело. Его уже измеряют, это электричество, через него уже правят тело людей в продвинутых клиниках. Люди проверили интуицию математикой. Но я по-прежнему хожу к остеопату, который говорит с моим телом руками – теплыми ладонями.

Огоньки в гине возвращают меня в детство, в его прекрасную часть, где мы с мамой наряжаем ёлку, и мне не надо думать о моих взрослых преступлениях, можно быть просто ребенком, который радуется празднику, ярким цветам и запаху ёлки. Мама шила мне красивые юбочки, надевала на меня чулки и колготки и покупала жестких пластмассовых кукол, которые говорили «мама».

Мама любила повязывать на меня бантики и хвастать гостям, как я складываю трехзначные числа, читаю стихи и рисую. Мама рассказывала, какая я у нее чудесная, и залиристо волшебной смеялась. Я чувствовала ее нервные руки на своих плечах, и мне хотелось убежать в чулан. Ёлка с игрушками любила меня без бантика, без трехзначных чисел, без рисунков – такой, какая я есть. Рисунки я иногда рисовала украдкой, там, на рисунках был мой тайный мир. И там не было никого, кроме тех, кого я придумала.

Однажды я услышала в одном из роликов Хеллингера

этой фразе «Люблю тебя такой, как ты есть». И подумала, что, наверное, хотела бы сказать эту фразу многим людям – маме, папе... Что такое любить? Это не хотеть переделать. Это хотеть услышать и помочь. Это не впихивать в функцию, а увлечь жизнью. Не объявить обреченность, а показать силу. Зачем ты училась, отличница? Чтобы что? Чтобы тебя похвалила мама? А без похвалы? Что с тобой случилось бы без похвалы? Тебя наказали бы? Это тебе нужны знания? Или маме? Для чего они тебе нужны? Что ты хочешь делать потом?

Это необходимо, когда кто-нибудь любит тебя такой, как ты есть, таким, как ты есть – даже если это новогодняя елка или пальма, или волны теплого моря. Если у тебя это есть, тебе не нужно отказываться от себя, чтобы быть видимым и нужным. Если у тебя это есть, ты идешь в мир не за любовью, а несешь ее в мир, берешь его дары из своей полноты, а не из одиночества. Тогда тебе не нужно никому нравиться, тогда тебе надо просто быть и брать свое.

Алексей-Леша-Леха. Опять же «Ле-ха(им)». «Ш» все-таки шершавая буква. Это я – Са-Шира. Потому что пишу стихи. Стихи и песни на иврите одинаково - ширим. С Богом нельзя говорить прозой, нужны стихи. Когда ты пишешь стихи, Бог дышит через тебя, если это, конечно, стихи. И я, все время, стараюсь слышать голос Творца. А иначе зачем все эти слова, картины, музыка? Быть в Потоке дао называют это даосы? Наверно.

Я слушаю голос Яэль внимательно: он особенный... Аккуратный, точный, выверенный. Это как движения бойца тайцзы – долгие тренировки выработали внимание к жестам, так и тренировки речи вырабатывают точность формулировок. У Яэль своя особая мелодика. Мелодика сильнее смысла – она обращается к подсознанию. Речь Лехи другая – он живет где-то в глубине, в темной бездне океана, его волны лишь иногда показываются на поверхности, как дельфины.

Потом поговорили, как я буду давать демонстрационный мастер-класс по голосу как практике тела, а потом у меня будет концерт в «Еврейском местечке» Кости Иванова. Буду читать стихи.

День начинается вечером

На самом деле это был шаббат, а для меня йом швии (второй день), он как раз начался, пока я летела из московского четверга, через пятницу в Баку в начало шаббата Тель-Авива. Творец решил, что мне надо начать опыт в Ашкелоне с седьмого дня, в который Он сам отдыхал, больше не прикасался ни к лопате, ни к кайлу, посвящал день изучению божественного, перелистывал страница Небесной Торы.

Яэль после ужина провела меня по своим двухэтажным хоромам и рассказала, где что и как. Мне дали спальню на втором этаже: кровать, шкаф, окно с железным жалюзи – война может быть в любой момент, розетка – связь с миром, здесь никогда не глушат интернет. Это мое место отдыха на ближайшие двадцать дней. Я ложусь на спину, прислушиваюсь к темноте за стенами дома – так же, как я прислушиваюсь на площадке, когда актеры играют эпизод, музыка никогда не врет, если это музыка.

Слух рассказывает почти всё о том, что можно увидеть. Я как следователь, который отворачивается от подследственного, чтобы точнее услышать его. Если вы еще не читали мою книгу «Сила действия», то там я рассказываю, как сильно зависит от дыхания в актерской игре примерно всё. В жизни тоже все зависит от дыхания. Именно дыхание определяет, кто главный, а кто нет.

Едва я заваливаюсь в кровать, появляется мой Крылатый. Он садится на край кровати. И молчит. Просто молчит. И я молчу. Как странно вспоминать бурьян, осень и запах мазута в том далеком городе, где в конце октября уже есть шанс пройти по первому снегу, а в марте нарваться на минус двадцать пять.

– Скажи, Крылатый, говорю я. – Ты же знаешь, зачем я здесь?

– Нет. Не знаю, - говорит ангел. – Ты выпала из моей юрисдикции, здесь более мощное руководство. Так что – сама-сама. Но помни, прошло десять лет, все твои желания выполнены. Пусть не в совершенстве, по твоим силам, но все, что ты просила на Котеле десять лет назад, случилось. В этот раз будь точнее в просьбе.

Я молчу. Крылатый мягко опадает рядом со мной белым облаком. У него нет никакого веса и никакого вида, он вообще не существует. Он – моя метафора. Существует ли он? Смотря что считать существованием. Он не ест и не пьет, даже от электричества не запитывается. Он полностью создан мной из потока человеческих образов, наработанного человечеством за тысячи лет. Такая нарративная глина. Там много энергии, бесплотной, как стихи.

Это я его так вижу, я его так представляю – банально, как все. Слава богу, хотя бы его перья не гусиные и не страусиные, какие носят певички из кафешентана. В моем мире его крылья чистый свет.

– Все, что происходит снаружи, начинается внутри. У тебя есть шанс. Здесь, в Ашкелоне, у тебя есть шанс.

– Шанс?

– Да. Шанс увидеть всё иначе.

– Ох... мысли мечутся, алчно желая ответов, - говорю я.

– Помнишь, - говорит Крылатый. - Бабушка накрывала твое лицо платочком, когда вы лежали с ней в больнице после того, как тебе вставили в горло трубку?

– Нет. Не помню.

– Она делала это так, - крылатый поднял крыло и опустил его, невесомое, мне на лицо, и крылодохнуло на меня мягким теплом.

Синий запах ночной пустыни втянул меня в свое пространство. Там было пусто, как в цистерне из-под нефти. Среди пустыни плакал ребенок, рядом на коленях стоял Достоевский и протягивал ему салфетки, чтобы вытереть слезы. Ребенок все плакал и плакал, а Достоевский все доставал и доставал новые салфетки. Мокрые салфетки, упав на песок пустыни, превращались в маленьких сиреневых бабочек, они поднимались в небо и превращались в сияющие облака.

Пляж. Бахи

Сиреневые бабочки снились мне до утра, пока я не оказалась внутри этого облака. Это невозможно, но я так запомнила. Наша реальность – это не то, что мы знаем, а то, во что мы верим, то, что мы запомнили. Мои сиреневые бабочки из «Танго с ветром». Любовь – это бабочки? Иллюзия? Иллюзия дает нам возможность вернуться в состояние объекта – зиготы. Получает ли зародыш состояние желанья? Состояние любви – это состояние желанья завладеть и быть в то же время завладеваемым.

Наверное, это состояние младенца, когда он – субъект, который полностью защищен объектом – матерью, когда он – объект, который полностью защищен субъектом. «Когда-нибудь я поставлю тебя на полку!» - говорил мне один из моих жертв, жертва моего внутреннего одиночества.

Я была для него в метапозиции, как мать бывает отстранена от диалога с ребенком - она лишь видит его нехватки, но сама она не может насытить свой голод, приняв улыбку ребенка и его губы на своем соске как полную гарантию безопасности. Она может (возможно) лишь вспомнить, как она чувствовала себя, держа сосок матери в своих губах.

Есть ведь женщины и мужчины, которые любят целоваться больше, чем всё остальное. А что поцелуй, как не еда. Любовь – голод, мы хотим получить молоко Небесной Матери.

Готовы ли мы защищать субъектность матери? В этот момент до меня доносится снизу звук посуды, облако рассеивается. Я вижу себя в реальности, чувствую тепло воздуха, слышу звуки. Знаете? Бывают такие очень насыщенные ощущения тепла и звука, как будто ты – это не субъект, а часть этого мира. Когда чувства более субъектны, чем ты сам, но от этого они только сильнее.

Солнце пляшет на листьях пальм. Кофе в гине. Мы сидим втроем, погруженные в облако солнечной доброты. Ветер. Кошки. Облака. И сейчас это мое «Я» - это все равно, как часть одного полотна, симфонии. Я – это всё, и всё это части меня. Я исчезаю в этом. Запах кофе горько-сладкий. Это мое первое утро. Когда Яэль рассказывала, как пользоваться момадом (домашнее бомбоубежище), я прослушала, хотя внутри знала, что мне не пригодится. Бог ведь привез меня сюда для наслаждения.

Мне не стыдно, что я наслаждаюсь жизнью. Сейчас, как раз то состояние, когда пропорция между мной-объектом и мной-субъектом в полном балансе, я могу не думать, у меня есть время и состояние чувствовать. Манго и рыба, замаринованная с луком, козий сыр – если духовная энергия равна движению «ци» по каналам и тому золотистому свету внутри осознания, то этого здесь невероятно много. И этот внутренний свет освещает и освящает обычные предметы, словно благословение прямо внутри. Я ем козий сыр вместе с тем светом, который съела коза вместе с травой.

– Чистая энергия, - говорю я. – Спасибо тебе, коза.

– Вкусно поесть – любимый израильский спорт, - отзывается Яэль.

Где-то глубоко в теле я ощущаю важную утрату в своей жизни – то, что здесь зовут «осе хаим». Не просто закинуть какую-то еду в желудок, а ощутить ее качества, насладиться этим как важной частью жизни, не случайностью, а нормальностью, привычностью. Уважая свою еду, ты уважаешь себя самого. А ты есть Творение Создателя. Уважая Его Творение, уважаешь Его. Но это можно делать, только не думая о защите.

Поэтому мне стало важно прочитать перед едой благословения Создателю, чтобы ощутить, что я не просто ем эту драгоценную пищу, а что это милость, что этого могло не быть, что на это надо обратить внимание, ощутить важность, не суетность момента. Это важно для качественной работы ЖКТ. Пищу надо заслужить, заработать ее, ощутить как ценность бытия. Оказать уважение трапезе, поэтому "Благословен ты, Господь, Властитель мира, что создал все из ничего по твоему слову" (неточная цитата). И по выходе из трапезы так же необходима благодарность, чтобы отвоодотить мозг для труда или отдыха. Дисциплина поведения.

Ашкелон для меня – путешествие в мою внутреннюю империю. Есть такой город – Петербург, где сама архитектура, события происходят одновременно в двух пространствах – в метафизическом и реальном. Город погружает тебя в состо-

ание ощущение тайного на уровне жизни – реплики случайных прохожих, надписи на асфальте, повороты проходных дворов – это все твоя глубина, когда ты идешь по улицам, как в том сне, когда видишь матрицу своего бессознательного.

Одна из моих практик для клиентов – вынести внутреннее во вне. Помните? Малыш в рассказе Стругацких думал веточками? Вынос внутреннего во внешнее делает внутреннее не частью «Я», а собеседником, свидетелем. Что если вынести во вне вообще всё? Что останется? Останется ухо живота. Значит – что? Значит, мы ищем ухом живота любовь, мы ищем другое ухо живота. Потому что только ухом живота мы слышим мир идеально. Ухом живота мы слышим реальность угрозы или ее эфемерность, ухом живота мы можем оценить себя как угрозу или как дар, проходим мы в нехватку другого или нет? И если не проходим, ухо живота нам сообщит об этом моментально. А быть угрозой для другого равно быть угрозой самому себе. Разве нет?

В Петербурге много ангелов. Почти каждый. Люди живут там, нося на себе ангелов. «Солонки» и «ангелы» там не каждом углу, в каждом кафе. Сейчас у меня похожее состояние – мне открываются слои, которые я перестала чувствовать, брать из них силу. Где-то на юге время от времени бахало, и я порывалась спросить, что это, но как-то было не в тему. Воздух для этого вопроса был не тот. Я не чувствовала в этом воздухе уместности этого вопроса.

Речь – это музыка. Как ты говоришь - это музыка, о чем

говоришь – это музыка. Важно слышать тональность места. Есть вещи, о которых лучше говорить на открытом воздухе, чтобы слова не бились, как залетевшие птицы, о стены, не умножали своего воздействия. И я не спрашивала, ждала, когда в симфонии бытия это прозвучит уместно, влетит органично и естественно.

А потом мы поехали на пляж. Ребята долго и тщательно снаряжали меня в защиты от солнца: крем, кепка, тапки... Я покорила, хотя в октябре в Ашкелоне солнце для меня самое то. И на следующий день я сбежала на пляж без лишнего доспеха. Я же знаю свои возможности. Короче, мы таки вышли из дома с Яэль, а Леха остался работать и ждать человека из аэропорта с картинками. Еще вечером стало известно, что они застряли в Баку, и – несмотря на шаббат – их привезут прямо сегодня.

На стоянке во дворе несколько машин и два рыжих кота. Как легко дышать! Коты щурятся на солнце, лежа на заботливо постеленных около пальмы половиках. На капоте машины Яэль следы лапок.

– А пусть, - говорит Яэль, – с лапками веселее. - Любят спать на капоте. Это дворовые коты, они тут живут, их все кормят. Я улыбаюсь - странно, как русская речь под пальмами звучит совсем органично. Вот потому я и улыбаюсь, потому что это очень странно.

Я люблю южные мексолидийские тональности, певучие гортанные звуки. Люблю восточный джаз, причем, не взирая

на вероисповедание. От Индии до Марокко. Эти густые, как дым кальяна, как ветер пустыни, тягучие треки пробуждают у меня что-то на уровне животного, в животе, в позвоночнике, в моем прошлом и будущем.

Из-за трахеотомии, а может, и нет, может, из-за темперамента и сверхчувствительности, мне необходимо звучать. Речь, пение – это способ создавать связь с миром и с людьми. И со своим тайным внутренним. Я не просто верю, я знаю, что звуком можно владеть настолько, что это будет реальной властью. Занимаясь голосом с клиентами, я подбирала такие программы, которые в то же время меняли психологию процессов, возвращали самооценку, уверенность, расслабляли вагус, включали диафрагму, вели диалог с подсознанием... Как мне самой пение и работа со звуком в свое время помогло выйти из состояния затравленного ребенка в уверенную форму человека-хозяина своих событий, так я передавала это и актерам и клиентам.

Дудочка Нильса – это метапредмет, который говорит нам о том, что голос может быть гигантской властью. Я чувствую, как мой голос захватывает пространство и создает в нем новый мир и на сессиях, и на уроках актеров и когда читаю свои стихи на редких концертах. Не знаю, почему я сейчас еду с Яэль на пляж, шурюсь на солнце и вспоминаю стихи из Питера.

...длинную ноту тянет голосом
Вейтса
вечер в ликере заката долькой
лимона... я бросаю корону
принцессы
в желтый снег у обочины... рельсы
трамвайные режут февраль на
полоски
бумаги, которыми окна заклеены...
сколько
пройдет еще дней.. город плоские
шуточки, точно окурки, роняет и
корки
от мандаринов... масло на
пальцах...
хрипло, покинуто, медленно...
звуки машин над проспектом
скитаются...
ноют от холода вены... измены
легко совершаются в сумраке зимнем
это всего только крики,
воздух пропитан сгоревшим бензином
Я иду в магазин, чтобы греться о
книги,
Просто укрывшись от взглядов.
И когда я читаю, ты вроде бы
рядом.

И между нами война не стоит, не
стояла,
И память, как пустота
госпитальная...
И благостны лица.
И наши привОды из школы в полицию
И наши расстрелы неверием не
разделяют нас больше
Знаешь? Давай мы останемся в
прошлом.
Давай же останемся там, и украдкой
Уйдем, чтобы счастье не
потревожить
Знаешь? Ведь ты музыкант
Не бывает, увы, композиций,
Что могли бы длиться и длиться...
И страниц лишь двенадцать в нотной
тетрадке...
(2009)

Петербург – город двух миров, там моя жизнь постоянно
выныривала в метапространство, время останавливалось в
вечных сумерках, и я сама себя чувствовала частью музыки,
утрачивала ощущение субъектности, проваливаясь в вечный
шелест автомобильных шин, бесконечной слякоти под нога-
ми прохожих, я отчетливо слышала бесконечную джазовую
композицию.

В машине Яэль торпеда с трещиной – последствие мест-

ного ремонта. Это похоже на фильмы Куштурицы. «Цыганский» внешний вид не мешает быть машине бодрой лошадкой, несется как надо. «Зато не угонят», - думаю я, вспоминая девяностые и наклейки с трещинами на лобовое стекло. Мне прямо хорошо в этой человеческой машине. «Аризона дрим». На пляж мы идем мощно вооруженные – кресла, плавающие колбасы, полотенца. Яэль привычно идет прямо через песок. Мне трудно с непривычки после постоянного асфальта.

– Там дальше, - говорит Яэль, – религиозный пляж, они через день купаются. Мужской и женский день. – Прикольно. – А мы идем на светский. Там можно всегда. Кстати, на светском все спокойно отдыхают, не взирая на вероисповедание.

Люди на пляже красивые, видно занимаются своими фигурами - загорелые, подтянутые. Море теплое. Море доброе. Оно качает, как мать в колыбели. Наверное, так качает мать в колыбели. Я не помню, как меня качали в колыбели. И фотографий не осталось, где я была в колыбели. В колыбели я раскачивала своего младшего брата. Но мне кажется, что именно море качает так, как в колыбели. Хотя, возможно, колыбель пытается уподобиться морю или неспешно гуляющей беременной матери.

С юга, со стороны Газы снова доносится бах. Потом еще. Я оглядываю оба пляжа – никто не обращает внимания ни на том, ни на другом пляже. Яэль, заметив мой взгляд, говорит:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.